

Сын Рима

Мы летели.

Это нельзя было описать по-другому. Старик в непритязательных грязных лохмотьях крепко вцепился в мои волосы и потянул меня к небу быстрее, чем мог путешествовать звук. Олимпия в мгновение ока уменьшилась под нами.

Конечно, ни один человек не может летать по-настоящему. Это давно вбили мне в голову, так же, как и каждому другому культиватору. Это была основная идея тех, кто стремился к божественности. Это было естественное желание, которое возникало всякий раз, когда вы смотрели на безоблачное небо или на раскинувшуюся внизу долину. Это почти что казалось естественным шагом на пути развития. В конце концов, зачем ещё человеку культивировать добродетель, если не для того, чтобы претендовать на те высоты, которых не смог достичь его отец?

Не раз в течение тяжёлых компаний, сидя под осадными орудиями Республики, я смотрел на упрямо стоящие стены города и мечтал просто перепрыгнуть через них, как через садовый забор. И почему бы и нет? Солдаты легионов Гая наверняка были достаточно сильны для таких манёвров. Но, увы, мой отец вскоре исправил это моё заблуждение, и мой дядя позже закрепил этот урок.

Наш голод – это то, чего не может избежать ни один человек. Всякий раз, когда мы смотрели вверх, нам хотелось подняться – просто потому, что мы могли. Но были места, куда не мог пойти даже культиватор.

Были области, куда не смел вторгаться даже самый могучий Тиран. Небеса были одной из таких областей.

То, что сделал человек, назвавшийся мастером мастера моего мастера, не было полётом – скорее, нелепо высоким прыжком, – но в этот миг перед свободным падением, когда мы невесомо висели в воздухе, я почувствовал тяжесть небесного внимания. Это были не чувства культиватора или инстинкт легионера, что позволили мне обнаружить это.

Любой человек мог услышать гром.

И это стало тем более очевидно, учитывая то, что мы неслись прямо к венцу невзгоды Бушующего Неба – Буре, Которая Никогда Не Прекращалась. Я наконец восстановил дыхание, выбитое из меня стремительным подъёмом, и выкрикнул проклятие, призывая добродетель капитана с такой силой, что сам воздух застонал в беззвучной вибрации, которая разнесла бы в щепки каменные стены, будь они рядом.

Лохмотья старого бродяги, возможно, стали развеиваться на ветру чуть сильнее, чем раньше, возможно, но это была единственная реакция, которую я получил за свои усилия. Сам мужчина даже не дёрнулся. Только крепче вцепился в мои волосы, а потом без предупреждения крутанулся и бросил меня в небольшую расщелину в горе, чуть ниже самой бури.

Это ощущалось, как будто мной выстрелили из лука. Я отчаянно напряг капитанскую добродетель, но у меня не было возможности применить её на себе, поэтому всё, что я смог сделать, – это убрать с пути несколько особенно болезненно выглядящих камней, прежде чем

я вспахал собой пещеру; моё зрение вспыхнуло белым, когда я врезался в камень и продолжил движение.

Босая грязная нога опустилась мне на спину, резко остановив меня. Моя голова мотнулась вперёд, а затем назад, ударяясь о камень, после чего я размыто посмотрел вверх.

Бродячий философ сошёл с меня, стряхивая с себя грязные слои одежды, из которых он создал свою ауру анонимности, и встал надо мной в простой белой тоге. Он скрестил руки, и, когда тяжесть его ожиданий обрушилась на меня, придавив к камню, когда я попытался подняться, ко мне пришло осознание.

Причина, по которой мы с Грифоном добились такого успеха в наших уловках с момента прибытия в Город Полу-Шага. Причина, по которой Скифас, Элисса, Кайно, Лефтерис, Джейсон и Анастасия так легко приняли наше позёрство и туманные намёки, несмотря на то, что мы были всего лишь философами. Дело не в том, что мы были великолепными актёрами. Дело было даже не в том, что мы были несколько особенными.

Мастер мастера моего мастера взмахнул рукой, и всепоглощающий гром вечной бури Бушующего Неба растворился в тумане и шёпоте. Нет, это было больше этого. По мере того как звон в моих ушах стих, я понял, что весь фоновый шум природы, вечный гул, который присутствовал даже здесь на горе, вдруг исчез. Как будто его никогда и не было.

Герои, более великие, чем мы, были готовы поверить в нашу ложь, потому что в мире существовали такие люди, как этот.

— ἐν οἴβα ὅτι οὐβὲν οἴβα ἡὲν οἶδα ἡότι οὐδὲν οἶδα.

— ... Что? — спросил я.

На его лице появилось гневное выражение. Я напрягся, кровь зашумела в моих ушах, но в следующее мгновение он овладел собой, презрительно скривился и сплюнул на пол пещеры.

— Он даже не удосужился научить тебя языку мыслящего человека? Я задушу этого мальчишку, когда в следующий раз увижу его.

— Он научил, — запротестовал я, на этот раз на языке Алого Города, а не на Латыни, на которую я перешёл в последнее время.

— Аликонский, — сказал он с отвращением. — Самый уродливый язык на Греческих Островах, под стать их самому уродливому городу. Почему он научил тебя этому языку вместо своего собственного?

Я задумался. Многие из учений Аристотеля были скорее впечатлениями, чем настоящими воспоминаниями, омрачёнными годами походов, годами войны и годом контуженого рабства. Но эта мысль выделялась. Она всегда выделялась. Она закрепилась в моей памяти в тот момент, когда на моих запястьях защёлкнулись кандалы.

— Он сказал мне, что он мне понадобится, — тихо сказал я. — Он сказал мне, что это самый важный язык, который я могу узнать.

В течение моего рабства я провёл не одну бессонную ночь, размышляя о том, сколь много подозревал Аристотель. Сколь много он мог знать. И мне было интересно, сколько ещё он знал,

именно поэтому я был здесь, ища его. Именно поэтому меня нашли.

— Этот мальчишка, — пробормотал он, проводя мозолистыми пальцами по длинной белой бороде. Он был сложен, как осадное оружие, изваян в духе Греческих героев, с которыми мы общались, но с более явными признаками возраста. Цвет его волос был вымыт. В уголках его глаз были вороньи лапки. И глубокие, задумчивые морщины, прочертили его лоб.

— Ты сказал, что Аристотель был учеником твоего ученика, — сказал я. Он хмыкнул, взгляд его стал отрешённым, пока он думал. — Ты знаешь, где он?

— На западе.

Моё сердце упало. Аликос. Я должен был знать. Целый год я уверял себя, что он не может быть в Алом Городе, что он непременно разыщет меня, если бы он там был. Я должен был знать, что это детское заблуждение.

Он не был моим другом. Он был моим наставником, а моего отца уже не было в живых, чтобы заплатить ему за его услуги. Он ничем не был мне обязан.

— Нет.

Я моргнул: «Нет?»

— Нет, — повторил старый философ. — Дальше.

Дальше на запад?

— Невозможно.

Почему-то тишина стала ещё тише. Казалось, сам воздух между нами затаил дыхание. Философ посмотрел на меня сверху вниз и смертельно тихим голосом спросил: «Что ты только что сказал?»

— Это невозможно, — повторил я. — Я видел, что находится к западу от Алого Города. Если он всё ещё там, то он мёртв.

— Ты так думаешь, не так ли?

Я встретил его вызывающий взгляд своим и, вспомнив раскаты грома, сообщил ему: «Я знаю».

Философ ударил меня ногой в живот, и я застонал, когда пыль и осколки камня облепили мою голову. Спустя несколько секунд мои чувства догнали меня, и я понял, что меня замуровали в дальней стене пещеры.

— Ты знаешь? — сказал старый философ, надвигаясь на меня. — Ты ничего не знаешь. На самом деле, ты знаешь ещё меньше. Неужели Аристотель был таким неудачником, что не смог посадить ни одной мысли в твой толстый Римский череп?

Он схватил меня за шею и вытащил из камня. Я зарычал и плюнул ему в лицо. Плевков остановился на волосок от его глаз, а затем резко полетел обратно в мои. Никчёмные,

ханжеские Греки.

— Что, по-твоему, ты делал с тех пор, как появился на этих берегах? — потребовал он. — Чего ты добился и с какой целью?

Вопреки его требованию ответа, его рука лишь сильнее сжала моё горло. Я заставил себя произнести эти слова, даже когда я сканировал окружающее пространство периферийным зрением. Это была обычная пещера, как и любая другая, но с едва заметными отголосками жилья, свидетельствующими о присутствии философа. Слева от меня лежала подстилка, справа - небольшой набор чашек и тарелок, а также небольшая гора свёрнутого папируса и различных табличек.

— Я пришёл сюда в поисках Аристотеля, — задыхался я.

— Это то, как ты это называешь? — потребовал старый философ и потянулся к моей тени. Тёмный силуэт, и без того дико колеблющийся в рассеянном свете бури за пределами пещеры, непонятным образом отлетел от его руки. Двигаясь по собственному желанию. — Вяizzlyваешься в политическую борьбу, в которой у тебя нет ставок, на которую ты не имеешь никакого влияния, без какой-либо причины, кроме как для того, чтобы устроить хаос? Потому что ты веришь, что можешь это сделать? О чём ты думаешь?

— Я думаю, — прошипел я, — что падальщики пожирают это место живьём.

— И ты решил присоединиться к ним, чтобы откусить кусочек для себя?

— Нет. Я решил откусить кусочек от них.

Гравитас сотрясла пещеру, и хотя она не сдвинула старого философа с места, камень, который я схватил с помощью капитанской добродетели и ударил ему по затылку, смог. Он попятился на шаг вперёд, ко мне, и я ударил лбом в его нос. Это было всё равно, что ударить головой по самому Каукосо Монс, но я подавил тошноту и вырвался, пока он был ошеломлён.

Моя тень предложила мне копьё из небесной бронзы, и я крепко схватил его, повернул и со всей силы хлестнул наконечником вверх.

Философ поймал его за древко и ударил меня один раз свободной рукой. Я потерял сознание ещё на несколько мгновений, а когда пришёл в себя, то лежал на спине у входа в пещеру и смотрел на бурю. Капли росы стекали по моему лицу, смешиваясь с кровью из разбитого носа. Молнии вспыхивали тысячи раз подряд, превращаясь в огромные ветвистые сети огней, которые в следующее мгновение поглощались грозowymi тучами. Вдалеке слышался знакомый вопль.

Философ схватил меня за ногу и потащил обратно в пещеру.

— Я не потерплю лжи, мальчик, — сказал философ, как ни в чём не бывало. — И сладкоречия тоже. — Если он и пострадал от моего удара, то я этого не заметил. Он бросил меня на середину пещеры и сел рядом, скрестив ноги, положив одну руку на колено, а другой, подперев подбородок.

Какое-то время я мятежно смотрел в каменный потолок, пока здравый смысл не взял верх над

моей гордыней. Это было не то, что я искал, но такая возможность вряд ли представится дважды. К тому же он сказал, что собирается научить меня порядку вещей.

Либо я нашёл себе нового наставника - или скорее, был им найден, - либо я собираюсь умереть. Так или иначе, я должен был извлечь из этого максимум пользы.

— Я пришёл сюда в поисках Аристотеля, — повторил я. — Я только что совершил прорыв в моей культивации и исследовал одно из моих новых чувств на похоронах кириоса. При этом я случайно ущипнул полдюжины Героических Культиваторов, заставив их подумать, что я ищу драки. Что ещё мне оставалось делать, кроме как притвориться, что я больше, чем я есть? Сделать так, чтобы я казался слишком опасным для боя?

— Ты мог бы объяснить свою ошибку и извиниться за неё.

Я пожал плечами, не решаясь сесть. Голова и нос непрерывно пульсировали в такт друг другу. На земле было достаточно удобно.

— Я - иностранец в странной, варварской стране. Откуда мне было знать, что кто-то из них не обидится на то, что я трачу их время? Кто бы стал наказывать великого героя за то, что он наступил на наглого юного философа?

— Я.

Я взглянул на мастера мастера моего мастера. Он твёрдо встретил мой взгляд, и через мгновение я кивнул.

— Я тебе верю. Но я всё равно был бы мёртв.

— Справедливость восторжествовала бы, — заметил он.

— Не достаточно хорошо. У меня есть дела, которые я должен сделать, прежде чем я умру, независимо от того, будет ли это справедливым или нет.

Старик долго размышлял над этим, а затем спросил: «Какова первая добродетель?»

— Свобода.

Старый философ посмотрел на меня так, словно у меня выросла ещё одна голова: «Ты в своём уме, мальчишка?»

Я поднял бровь: «Это же свободное Средиземноморье, разве нет?»

— Аристотель действительно оказал тебе плохую услугу, — сказал он с отвращением. — Это вопрос твоей души, мальчик, а не только твоих убеждений. Это вопрос основ.

Основ.

«Что нужно человеку, чтобы вести?»

— Гравитас, — ответил я, на этот раз правильно. Старый философ хмыкнул.

— И что такое гравитас?

Я заставил себя сесть, повернул голову и выплюнул изо рта как можно больше крови. Я глубоко вдохнул, прослеживая моё жизненно важное дыхание по старым и новым каналам внутри моего тела. И я заставил себя вспомнить.

— Гравитас - это три тысячи человек, мчащихся в Тартар по твоей команде, — сказал я, каждое слово ощущалось, как разбитое стекло в моём горле. — Это четыреста восемьдесят щитов за твоей спиной, когда ты врываешься в открытую пасть врага. Это триста кричащих лошадей, стремительно несущихся в море.

— Это вес.

— Вес? — повторил философ.

Я кивнул, глядя мимо его плеча в далёкое прошлое: «Каждый человек - это отдельный мир. Он - это город и семья, жена и дети, друзья, враги и товарищи. Он - это надежды и мечты, стремление изменить всё, что он может изменить. Он - это все эти вещи, и он тяжёлый».

— Гравитас - это вес трёх тысяч таких людей. Это три тысячи миров, три тысячи жизней, которые могли бы быть, взваленные на твои плечи.

— Это соль, — прохрипел я. — И это пепел.

На долгий миг в пещере воцарилась полная тишина, за исключением воспоминаний. А потом сильная, мозолистая рука схватила меня за плечо.

— Сколько тебе лет, мальчик? — спросил он меня.

— Двадцать.

— Век детей-тиранов, — сказал он и вздохнул. — Эти демоны на западе. Ты уверен, что они не были людьми? Мир огромен и полон странных людей.

Мне вспомнились оскаленные клыки и глаза цвета молний невзгод. Что бы он ни увидел во мне в этот момент, философ не стал продолжать разговор.

— Горстки заблудших героев не хватит для борьбы с такой силой, — сказал он, покачав головой и поднявшись на ноги. Он разгладил складки на своей тунике. — Если ты хочешь сразиться с демонами, то тебе нужно больше. Тебе нужно стать больше.

Сорея снова вскрикнул, на этот раз гораздо ближе.

— Как ты узнал о демонах? — спросил я, а потом нажал, — Откуда ты знаешь, что мы ответственны за то, что случилось в бане? Что мы охотились на Ворон?

Старый философ фыркнул: «Я ничего не знаю, мальчик. Я слушаю и я учусь. Это удивительно, что может сказать человек, когда думает, что рядом нет никого важного, кто мог бы его услышать. Ещё более удивительно, что может сказать человек, когда он думает, что ему не повредит позволить проскочить паре деталей».

Он размял пальцы рук и расправил плечи, повернувшись лицом ко входу в пещеру.

— И самое удивительное, — сказал он с мощным презрением, упираясь ногами, — что может сказать дурак, когда он хочет быть услышанным.

Сорея вскрикнул в третий раз, прямо под нами, и солнце рассвело во второй раз.

[Заря занимает свой трон.]

Грифон ворвался в пещеру с кровью на лице и огнём в кулаках. И прежде чем мастер мастера моего мастера успел выбить его из воздуха, я сделал выпад и впечатал моё плечо в спину старого философа, выбив его из равновесия. Это длилось лишь долю мгновения, но этого было достаточно.

Грифон обрушился на него как комета.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3403123>